

Александр Михайлов — герой вне экрана

Личность

Почему каждому поколению до сих пор близки и понятны: наивный Вася Кузякин из фильма «Любовь и голуби», надежный Павел Зубов из «Мужиков», страдающий Иван Флягин в «Очарованном страннике»? Эти герои народного артиста России Александра Михайлова — вне времени, потому что созвучны постоянным величинам, проникнуты потрясающей человечностью. Не всякий артист способен так сыграть, для этого требуется мужество на вторую сторону медали: своей судьбой подтвердить их достоверность.

Станислав ГОЛОВАНОВ

Наша беседа с Александром Яковлевичем получилась камерной. К счастью. Впрочем, разговор с Михайловым не мог быть иным, ведь при внутренней цельности ему свойственна некая внешняя незащищенность. Он испытывает неловкость оттого, что вынужден наклоняться, чтобы смотреть в лицо собеседнику (когда-то за высокий рост и худобу его дразнили Кошеем). Страхивает пепел в горсть (морская привычка — нельзя бросать окурки на палубу

и в море). В свои шестьдесят краснеет от любой двусмысленности, высказанной в его присутствии. В нем сочетаются невероятная наивность и — тут же — земная мудрость, сила, целеустремленность. Горячность в некоторых темах перемежается с терпимостью и умением прощать. Но, казалось бы, полярные качества складываются в мозаику того, что принято называть загадочной русской душой.

Михайлов редко соглашается на интервью (хотя в иной день бывает по пять звонков из разных изданий). Странная получается закономерность: чем больше человек может сказать — важного и нужно-

го другим людям, тем чаще он... замолкает.

— Может, и вправду основные уроки мы берем из детства? Когда нет предубежденности, а мир только начинает открываться. Вот бы понять, почему одно и то же воспоминание по-разному формирует мировоззрение человека. Кто-то озлобится, другой — наоборот. Мое детство трудно назвать светлым. Голодное оно было, тяжелое. Сестра умерла от недоедания. Я, спасаясь от цинги, подбирал на помойках остатки зубной пасты в тюбиках. Не наешься, а сладость — по небу размажешь.

В поселке Степь (переехали, когда мне восемь исполнилось) до самого горизонта — только ковыль да полынь... Жили там русские, буряты, цыгане. Помогали друг другу как могли. У нас тогда дом сгорел, ютились в землянке, бывшем морге. Мама изо всех сил надрывалась, чтоб меня поднять: посудомойкой, прачкой, санитаркой. Кирпичи таскала, шпалы воровала — за любую работу бралась. Лицо ее — молодое, дивной красоты, а руки — распухшие, со скрытыми пальцами. В редкие минуты настраивала балалайку и пела. Она у меня сотни частушек и песен наизусть знала. Любимая была: «Ой, горькая я, зачем на свет родилась? Была бы я стеклянная, упала б и разбилась». Когда я подросток, стал немного понимать. Смотрел на маму, когда она пела, и жалел ее так, что кричать хотелось. А даже сказать ей этого не мог, не приучен был.

Музыка научила меня понимать красоту. Иногда убежал к цыганам в табор, их песни послушать. Ночь, небо в звездах, потрескивают ветки, чуть отойти от костра — темень непроглядная. И надо всем плывет песня — томительная, грустная, тягучая... Как дорога — в даль, в неизвестность... Когда я снимался в «Очарованном страннике» —

вся душа изболелась. Так вспоминалось все. Ушедшее. Может, потому легко мне было с Ваней Флягиным пройти весь его путь: от наивного восприятия мира ребенком до духовной зрелости.

Испытание морем. Насколько непредсказуема порой бывает судьба. Только обрел гармонию с миром — и вновь девятый вал. Бросает, захлестывает. Едва пришел к своему знаменателю — и опять нужно делать выбор. Словно сталь через огонь и воду: закаляет сильные характеры и ломает слабые. Главное — не остановиться, тогда на место ушедшей мечты всегда придет новая.

...Всю жизнь я мечтал о море. Хоть вырос в степи, а оно мне снилось. После седьмого класса уговорил маму переехать во Владивосток. Добился своего, ходил два года по трем морям: Охотскому, Беринговому и Японскому, по Тихому океану. Самые прекрасные и сложные годы. Они научили меня мужеству, стали школой. На судне, в замкнутом пространстве, человек с червоточинкой не выживет. Все на виду. Сделаешь подлость — утаить не удастся. У нас был стукач, когда команда узнала — объявили бойкот. Никто не подходил: день, два, три, неделю... Он не выдержал, бросился в ледяную воду, круг спасательный кинули ему поздно... Жестокие в море законы, но иначе нельзя. Рядом должно быть надежное плечо, как на войне. На своей шкуре почувствовал, когда попали в десятибалльный шторм. Бились до последнего. Более семидесяти человек моих друзей тогда навсегда легли на дно. Оставшихся, меня в том числе, все похоронили. Только мама ждала. Когда сошел на берег, увидел — она вся седая. Понял: еще одной потери не выдержит. Страшно тяжело расставался со своей морской мечтой, но пути Господни неисповедимы. На ее

место пришла не менее сильная, отчаянная любовь к театру. Можно сказать, случай. Но я все время убеждаюсь: в любой случайности есть элемент закономерности.

Мы с моей женой Оксаной знали друг друга более двадцати лет. У нас один день рождения — 5 октября. А фамилия по деду знаете какая была? Михайлова! Два года назад, в 58 лет, я вновь стал отцом. Сейчас у меня старший сын Костя от первого брака, он режиссер, пишет рассказы, дочка Акилина (по святам назвали), зайчик солнечный, младший сын Влад, который учится в театральной школе. И женщина, рядом с которой мне тепло. Не представляю своей жизни без них. Предав себя, не смогу играть...

Не могу сейчас говорить о стране и вере. Опять начну горячиться, сорвусь и подставлюсь... Когда пацаном бегал, мой дед учил: люби Родину больше, чем свою жизнь. Сердце отдай людям. Душу — Господу Богу. А честь оставь себе. Мне исполнилось шестьдесят, я старался жить по заветам. Эти свои убеждения никогда не менял. Вы спросили, что я со сцены хочу сказать людям? Отвечу: каждый из вас способен сделать мир лучше, чище. Будьте добрее, остановитесь — оглянитесь вокруг. Я не призываю каяться в грехах, научитесь прощать чужие. Вера многолика, каждая религия отдельный цветок. И я всей душой за это многоцветье. Потому что вера дает человеку силы, очищает. Когда был в Чечне, видел измученных ребят, для которых Отечество и Бог — два стержня, помогающие сохранить достоинство, выжить. Солдаты подарили мне железную пластину на сердце — защита от пули. Жаль, нет такой защиты от злобы и безверия.

(Дети и животные наделены особым чутьем, они безошибочно определяют доброту. Тянутся

к доброму человеку. Об умении Михайлова общаться с животными ходят легенды. На съемках «Очарованного странника» самые ретивые лошади при его появлении тянули морды, успокаивались и начинали ласково пофыркивать. Голуби наперебой пытались устроиться в широких ладонях Васи Кузякина. Даже гадюка устремлялась вслед за змееловом. Над последним смеялась вся съемочная группа: «Саша, осторожней, твоя подружка за тобой ползет!»)

Была у меня такая роль — лесник; второе «действующее лицо» — рысь. И вот мы с ней вдвоем весь фильм, который назывался «Рысь возвращается», сыграли (смеется). В сцене, когда моя «кошечка» должна была прыгнуть мне на спину, никак не удавалось этого добиться. Тогда помрежа осенила гениальная идея: привязать мне на горб кусок сырого мяса. Смотрю в камеру, а у самого мурашки по коже: за ухом рысь чавкает, урчит. Ничего, не тронула. Меня собаки ни разу не кусали. Чувствую, что я их люблю, особенно дворняг — самые умные. Вы видели когда-нибудь, как дворняжка вместе с людьми переходит дорогу на светофор? Морда серьезная, шаг рассчитанный. А стоит заговорить с ней — сразу вся навстречу. Надежда, вопрос в глазах. Пахи мне симпатичны. Хоть говорят, что чайки шумные, мне как моряку они родные. Корабль встречают и провозжают, иной раз — весь рейс кружат. Верные. Мимо воробья не пройду, если есть крошка — отдам. Мы с ними все ж вместе выросли. Когда-то в Степи шел в школу и собирал по дороге за пазуху обмороженных воробьев. Каждый зверь и птица — живое существо, Божье творенье...

Знаете, после беседы с ним — словно в мир возвращаются краски: любви, сострадания, мужества.